

-Н

е расстраивайся. Эрфам тоже горько пришлось, — сказал дед, разбивая ножом скорлупу и выливая яйцо на сковороду. Желток плюхнулся в масло и округлился, но дед чуть нажал лопаткой, чтобы тот лопнул. Вокруг поджаренной колбасы и хлеба поплыло оранжевое. Дед любил смешать и добавить еще чего-нибудь для густоты. — Тебе с петрушкой или так?

— Дед, ты же знаешь, я давно такое не ем.

— Как хочешь, а я за милую душу.

Дед поставил на стол сковороду и начал есть.

Егор отошел к открытому окну, рукотворная еда пахла заманчиво. Все в доме было таким рукотворным. Мебель, собранная дедом вручную. Рамки для фотографий, полки, стеллажи, картины. Сам двухэтажный дом собран дедом вручную.

Дед был учителем музыки, но всю жизнь провел в каких-то поисках, непутевый был, как про него говорили, бродяжничал, собирал по всему свету вещи. В подвале целый склад ветоши. По стенам развешаны колбочки с разноцветным песком — сто двадцать пять видов. Гербариев целое собрание сочинений. Фонотека с записями дождевой капели и флажолетов. На втором этаже комната с музыкальными инструментами.

Его сын, отец Егора, был совсем другим: еще в студенческие годы переехал в эко-поселение. В старых городах уже почти не жили, а такие, дедовские, дома в глуши вообще уже полвека назад забросили.

От деда Егор унаследовал любовь к музыке. Но если дед шатался от одного к другому, то внук сразу понял, что джазовые барабаны — это его навсегда. В этом доме в десять лет он на каникулах впервые взял в руки барабанные палочки. Давно он здесь не был. С тех пор, как поступил в консерваторию. А три последние года вкалывал как проклятый, чтобы получить место в знаменитом джазовом ансамбле. И все шло к тому, что место будет его. А когда на прошлой неделе он пришел на репетицию, за его барабанной установкой сидел другой. Да, один эрф уже был в ансамбле — саксофонист. Сложно представить, чтобы кто-то еще смог справиться с его партиями. Ничего особенного в этом эрфе-барабанщике не было. Лицо невыразительное, тусклые глаза, прилизанные волосы. Имитация, одним словом. Он поднял над барабанной установкой удвоенную пару рук — и тут началась его бесподобная игра.

— Расскажи мне про них, — сказал Егор.

— Про эрфов? — спросил дед, намазывая на колбасу горчицу. — А ты садись, поешь со мной. Я тебе расскажу. Садись-садись. — Дед подсунул вторую вилку, тарелку с салатом, а еще — самодельного хлеба, рассыпчатого, разломленного руками, пористого, как губка, а пахучего...

Егор тут же сел за стол. Самодельный стул скрипнул. С непривычки Егор подавился, обжег небо.

— Дуть надо, дурилка, — дед со смехом постучал вилкой себя по лбу. — Это же не ваша, сублимированная еда. Эта еда — настоящая еда. Еда от деда!

— Ладно, давай рассказывай, — тоже засмеялся Егор.

— Ну, как это было, — сказал дед, вытер губы полотенцем. — Страшно было. Думали, война началась. Ночью пошли по небу такие полосы. Как следы от когтей. Только огненные. Видал когда-нибудь когти?

— Ну...

Странно вышло. Никто такого контакта не ожидал. С неба посыпались горящие спасательные капсулы из потерпевшего катастрофу корабля. Эрфы, которые пришли из другого измерения, неправильно сконфигурировали вход в нашу атмосферу.

Они появлялись повсюду. Много их было, похожих на дымовые столбы, бесформенных, высотой с человека. Везде их видели, во всех концах Земли. Кадры из новостей: по шоссе движется толпа серых столбов, автомобильные пробки, люди выходят из машин, полицейские маячки, вертолеты. За кадром — голос премьер-министра: просим население соблюдать спокойствие, все меры уже принимаются, пришельцев будут собирать в резервации.

Обломки огромного космического корабля еще долго падали, сторая в атмосфере. Казалось очевидным, что к нам прилетели только за тем, чтобы отобрать. Это не разведывательная экспедиция, это переселение целой цивилизации, чье солнце гаснет.

Потом уже выяснили, что эти существа в нашем мире только наполовину. Остальное — в другом, недоступном нам измерении. Там они

живут, как мы в своем четырехмерном пространстве-времени. А здесь тогда что? Парадокс, который нам не понять. Дед сказал, что как наша душа живет в своем собственном измерении, а здесь, в телесном мире, только томится, так и они, эрфы, здесь только томятся, словно в плену, а сознанием пребывают где-то в своих жилых эмпиреях.

Жалкие они были первое время, словно слепые, бесформенные, словно не проснулись еще в нашем мире. В глубинке их ловили и жестоко издевались над ними.

С виду эрфы — будто испорченное изображение. Серый дымовой столб, по которому судорожно пробегала цветная мозаика. В столбе появилось то дерево, то животное, то причудливое изображение, куски несовместимых вещей, как на картине Пикассо. Ученые выяснили, что они принимают любую форму, копируют внешний вид предмета. Но пока еще не понимали, с кем надо войти в контакт, кто здесь главный, кого надо копировать.

Военные их собирали, полиция — в лесах, на свалках. Жили где попало. Но постепенно просыпались в нашем мире и начинали понимать, что главный, кто может причинить им вред, — это мы.

— Ты не темни, дед. Рассказывай по существу. Что у тебя с ними было?

— Да ничего не было. Был один друг. У мусорки жил, отходами питался. Я пошел выбросить мусор — а он стоит, мереливается цветами. Но я почувствовал: меня изучает. И вдруг такой цветной водопад, все равно что воду из ведра вылили — и вдруг пацан, на меня похож. А на самом деле — точь-в-точь я. Он взял меня за руку, пожал ладонь. Ничего не сказал, но я понял: помоги. Я стал приносить ему всякую еду. Подружились.

— Долго дружили?

— До двадцати лет.

— Ого!

— Он вообще был как человек. Все равно что я. Говорят, у них нет характера. Что это существа без свойств. Они как зеркала. Не только внешность копировали, но и твою сущность: как ты к ним — так и они к тебе. А мне он был как брат-близнец. Мы два года странствовали автостопом. Закончилось тем, что в одном австрийском городке его опознали обученные собаки. Меня — в посольство, а его куда-то увезли. Много лет потом его искал. Полмира обошел. Видишь, сколько всего натаскал в дом? А его не отыскал...

— Ты пойми, дед, — они стояли возле ворот, Егор собирался уезжать. — Эти гады все у нас скопировали и делают теперь лучше нас. Живопись, музыка, самые смазливые актеры... А доберутся до литературы и науки — так вовсе нас поймут и нас же спихнут куда подальше. Они у нас наше отбирают, а их еще по специальной программе распределяют в самые лучшие места. Этот, которого на мое место взяли, наверное, увидел картинку индуистского божка и приделал себе еще пару рук.

— Ну а как он стучит, ты слышал?

— Слышал. Стучит как бог, — с неохотой признал Егор. — Человек так не сможет. Эта тварь скопировала всех лучших ударников в джазе. А ведь мы это все придумали!

— Что — все? И кто — мы?

— Да все! Живопись, джаз...

— Джаз придумали выходцы из Африки, которых белые держали за рабов. Пусть эрфы осваивают нашу культуру. Ничего плохого от них не было.

— Пока не было... Ладно, дед, я тебя понял. Но ты не представляешь, как обидно. Три года коту под хвост!

На прощание дед сказал:

— Не расстраивайся. Эрфам первое время у нас очень горько пришлось. Ты талантливый музыкант. Тебя везде возьмут.

— Все равно... Я их почти ненавижу. Ненавижу...

Через несколько дней кто-то из друзей позвонил Егору, сказал: приезжай в наше место, на окраину бывшего старого города. Будем твои раны лечить. Кое-что интересное для тебя приготовили. Егор о своей неудаче кроме деда никому не говорил. Пока не решил, что дальше делать. Поэтому спросил с подозрением: какие раны и что приготовили?

— Приезжай: узнаешь.

Несколько часов Егор мчался на электрокаре по шоссе, слушал альбом Билли Кобэма. За окном, изредка сталкиваясь с упрямой грядой меловых гор, мелькала однообразная волгоградская степь. Автопилот предупредил, что аккумулятор наполовину разряжен, и подсказал, где ближайшая станция подзарядки. Потом сеть пропала.

Мелькнула табличка с названием старого города. Егор слышал, что, если съехать с трассы и минут сорок трястись по бездорожью, можно отыскать древние пятиэтажные здания, похожие на бетонные улья. Теперь это закрытая территория, резервация эрфов. Там белоснежные купола, к ним идут паломники — как в места медитации, мистических откровений, реинкарнации.

Автопилот вырулил к берегу реки и остановил электрокар. Еще раз предупредил про аккумулятор. На высоком берегу стояло старинное здание. Вечерело, и огни от фонарей ложились в бегущую воду подобно тающим лунам. Асфальт древней набережной изобразен трещинами.

В баре уже было много народу, и только Егор вошел, сразу раздалось приветствия.

— Добро пожаловать в клуб! — крикнул Жека. Он протягивал Егору стакан с алкоголем и сам уже неплохо накатался. С Жекой они не виделись года два, и было известно, что его, как и Егора, сменили на эрфа. Егора неприятно удивило, что про него уже все знали. Еще неприятнее стало от внешнего вида Жеки. Он носил какие-то хипповские лохмотья. Похудел. Отрастил длинную пустую бородку и волосы. Ему это не шло.

— Как ты узнал? — спросил Егор, уклоняясь от выпивки.

— Да какая разница. Узнал и узнал. Земля слухами полнится, — Жека лихорадочно улыбался. Глаза его остервенело блестели. — Вот, кстати, познакомься: Костя. Костя — актер, ему недавно сказали — пойди вон, у нас вместо тебя будет эрф, который без грима и репетиции сыграет сотню ролей. А вот Олег. У него должна была быть выставка. Но грант дали очень, очень высокоталантливому эрфу, а не ему. Он бросил рисовать и теперь просто пьет. — Жека по очереди подводил к своим товарищам. Выходило, что чуть не половина собравшихся пострадала от эрфов. — Так что ты среди своих, — сказал Жека. — Добро пожаловать в клуб!

— Все в сборе? Кое-куда едем, — крикнул он. — Будет интересно.

Совсем стемнело. Цепочка электромобилей, освещающая дорогу, углублялась в кварталы старого города. На пустыре между разрушенными высотками, хлопнув, автоматически надулись воздушные подушки, компенсируя ухабы дороги. Разрядка батареи пошла быстрее. Машины окружили большое дерево, вокруг него заметалось что-то черно-белое, высвеченное фарами. Две небольшие собаки как-то странно бегали на привязи.

Егор не сразу понял, что происходит. Жека поднял оружие, выстрелил в воздух, закричал что-то. Крик подхватили остальные. Два ребенка, привязанные к дереву, дернулись, вцепились короткими пальчиками в веревки, прижались друг к другу. В угольках глаз дрожали огни. Видимо, в последнее время их держали вместе с собаками, дошло до Егора. Детские тела, детская одежда, миниатюрные кроссовки, а вместо лиц — мохнатые мордочки дворняжек. Вот твари, подумал Егор, даже об ошейниках позаботились.

Жека стоял, широко расставив ноги.

— Ты стреляешь после меня, — сказал он Егору. Тот сидел в оцепенении. Решать надо быстро. Либо месть за общую, пусть и большую обиду, либо две конкретные, стоящие перед тобой жизни. Решать надо быстро.

Жека прицелился. Выстрел ушел вверх, Егор успел выбить оружие, но сразу получил под ребра. Его тут же оттащили, ударили в лицо, бро-сили под ноги толпе.

— Ты чего? — спросил Жека, наклоняясь. Голос был спокоен, но бешенством налились глаза, на шее вспучились вены. — Пожалел этих? Этих?

— Ты с ума сошел... — Егор задышался. — Ты украл их... Подсудное дело... Их нельзя трогать...

— Будем стрелять по очереди. И если ты...

Егор резко вскочил, ударил головой в чей-то живот, сначала кулаком, потом локтем в чье-то лицо, схватил какой-то предмет, понял, что это оружие. Толпа расступилась.

— Я или они, — сказал Жека.

— Они все равно что дети.

— Дети? — крикнул Жека. — Егор, очнись, у них морды — волчьи!

Егор попятился к дереву. Срезал веревки электрическим ножом, взял детей на руки и, держа оружие перед собой, двинул к машине.

— Эй, а ну стой! — крикнули из толпы.

— А пусть идет, — сказал Жека — Еще встретимся.

Оружие Егор выбросил где-то в развалинах. Сильно болел глаз, и левая часть лица возле рта онемела. Стрелка индикатора заряда лежала в красной зоне. Егор нашарил мобильник. Связи не было. Он рванул к трассе.

— Понимаете, меня кто-то подставил из своих, — сказал Егор, не зная, понимают ли его. Детеныши на заднем сиденье обнимали друг друга от страха и холода. Собачьи мордочки сосредоточенно и сторожко глядели вперед. — Из зависти. Эрфы здесь ни при чем. Кто-то из своих...

Машина перескочила трассу и гнала по бездорожью. Надсадно работал компрессор воздушной подушки, мотор надрывался из последних сил. По стеклу, по железу жутко защебетало. Пробило воздушную подушку, стекло, из сиденья выдрало клок. Машина вылетела между пригорков и застряла. Егор схватил детей на руки.

— Пригнитесь, — крикнул.

Показалось, что впереди на черном небе высятся, тянутся к звездам белоснежные купола. Будто оттуда спешат на помощь. Он был уверен, что сможет добежать невредимым.

Первая пуля царапнула лодыжку, другая — раздробила бедро, следующая пробила легкое. Потом ему разворотило ладонь. Последняя пуля вошла в основание черепа.

Долгое время ничего не было. Было плоским и двумерным. Потом был огромный белый сон, возникший из ниоткуда. Тело дрожало по контуру, по оболочке бежала молния. Лиловое пятно летело высоко и тяжело падало. И снова тянуло во тьму. Потом пришли фигуры, словно тени, плавающие в воде. Сплетениями красок волновались мягкие густые пласты. Голоса, похожие на звук виолончели. В воздухе — тонкие, порхающие паутинками, трещины. Песок пространства из мельчайших икринок, слившихся нежно и пушисто. Берег океана, волновавшегося извивами: прозрачные, слюдяные, подвижные, зыбкие, дрожащие, льющиеся. Горизонт дышит темными упругими боками, по которым стекают звезды. Падаешь, но время подхватывает и возвращает назад. Ни для чего нет имен, потому что все — цвет и звук. Потому что все только начинается, все продолжается заново. В другой жизни, другом теле, в другом измерении.

